
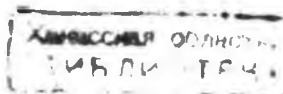
АРХЕОЛОГИЯ СССР

Степи Евразии в эпоху средневековья

Ответственный редактор тома
С. А. ПЛЕТНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1981

пробиты стрелами, у некоторых они отрублены и отсутствуют, у иных рассечены кости рук, ног, шеи, ключицы и т. п. Несросшиеся повреждения обнаружены на скелетах женщин и подростков.

Такая картина дополняется раскопками III Шагопарского городища. Его здания были сожжены и разграблены, а в руинах найдена верхняя черешковая часть двулезвийного меча, возможно сломанного в пылу сражения.

Погребенные под земляными курганами относятся по своему физическому типу к брахикранной европеоидной расе с монголоидной примесью и близки по облику к современным уйгурам и узбекам. Многие женские черепа деформированы [Алексеев В. П., 1962].

Интересны данные о поминальном обряде. Под насыпью уйгурских курганов с северной или северо-западной стороны находятся поминальные жертвенники, выложенные из каменных плиток. На них приносили жертвы душе умершего во время погребения. Пищу и питье бросали и возливали на небольшой костер. Остатки его затем забрасывали во входную яму, в засыпке которой встречаются древесные угли и иногда кости животных. Последние также находятся на жертвенниках или разбросаны под насыпью. Это кости овец, быков, жеребят, иногда в насыпи находили тщательно уложенную целую голову лошади.

Памятники уйгур, к сожалению, еще недостаточно выявлены в Монголии и Забайкалье. Однако и там известны аналогичные рассмотренным крепости и даже города (вплоть до р. Аргуни), отдельные уйгурские погребения (Узкое место, могила 1 и Киприяновка, могила 1, раскопанные в 1899 г.) [см.: Галько-Грышневич, 1902, с. 50, 53, табл. XI]. Известны также местонахождения развееванных ветром поселений и могил в долинах рек Селенга, Сава, Чикой, Баргузин и Онон, где найдена посуда типа «уйгурских» ваз и горшков [Кызласов Л. Р., 1959, с. 71—73; Хамзина Е. А., 1970, табл. XIV, 2, 7, 8; Гришин Ю. С., 1962, рис. 38, 8]. Посуда уйгурского типа, кажется, обнаружена и на островах оз. Байкал [Свишин В. В., 1976, с. 176].

В Центральной Азии только селенгинские уйгуры ставили мужские каменные изваяния, на которых изображались шапки, поддерживаемые обеими руками сосуды и наборные пояса с многочисленными привесками и сумочками. При уйгурах такие изваяния появились и в Туве, а одно известно даже в Хакасии. Эти реалистичные и тщательно изготовленные скульптуры мужчин — памятники особо отличившимся героям. Они устанавливались в одиночку, лицом на восток. Их отличает ряд признаков: наличие особых шапок или головных уборов в виде кос; рельефно изображенных сосудов, которые фигуры держат обеими руками; пояса имеют много привесок, среди которых обычны фигурные привески с сердцевидными прорезами. Эти изваяния VIII—XI вв. высекались из серого гранита (рис. 30, 65).

В период Уйгурского каганата в Центральной Азии и Южной Сибири продолжался процесс феодализации. Каган уйгуров раздавал лучшие земли своим феодалам. Эксплуатации зависимого населения содействовала религия — буддизм. С 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство,

заимствованное через Среднюю Азию. Основные средства производства — земля (пашни и пастбища) и скот — находились в собственности уже на основе феодального права. Земледелие было плужным с применением тягловой силы животных и искусственного орошения. Значительная часть населения занималась скотоводством.

Важное значение в каганате имела торговля с Китаем и Средней Азией, причем в Уйгурии находились в обращении танские и среднеазиатские монеты. Среди уйгуров были купцы, торговавшие не только лошадьми и другим скотом, но и рабами, ценной пушниной и даже изготовлявшейся в каганате белой тонкой шерстяной тканью.

Памятники говорят о самобытности уйгурской цивилизации. Материальная культура уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, и именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях и в Южной Сибири оседлую цивилизацию с обширными многоквартальными городами и крепостями.

Уйгуры в VIII—IX вв. имели ту же письменность, что и их предшественники — древние турки. Это руническая письменность, основанная на орхонском алфавите.

Своеобразная и высокая культура древних уйгуров оставила значительный след в истории народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.)

Древнехакасская тюхтятская культура (IX—X вв.) впервые была выделена Л. Р. Кызласовым [Кызласов Л. Р., 1960а; 1960б; 1964; 1969].

Первым известным памятником этой культуры стал так называемый Тюхтятский клад, найденный около 1902 г. у д. Тюхтыты на р. Казыре и поступивший в Минусинский музей [Евтюхова Л. А., 1948, с. 67—72, рис. 117—136; Киселев С. В., 1949, табл. LXI—LXIII; Fettich N., 1937, Taf. XIX—XXV].

Основу «клада» составили, очевидно, инвентари погребений IX—X вв., в которые входили танские монеты, выпущенные около 841 г. По месту находки «клада» всю культуру следует именовать тюхтятской. Курганы этой культуры встречаются на несравненно более широкой территории, чем памятники предшествующей древнехакасской культуры чаатас. Они известны на севере в районах городов Капска, Краснопярска и на левом берегу Оби ниже Новосибирска (рис. 32). На западе тюхтятские могильники доходят до среднего Иртыша. Там они исследованы близ с. Боброво [Арсланова Ф. Х., 1963а]. На юго-западе древнехакассские могильники IX—X вв. известны не только в Горном Алтае и в долине р. Алей, но и на правобережье верхнего Иртыша близ сел Зевакино, Камышенка и Ново-Камышенка [Арсланова Ф. Х., 1972], а также у с. Мечеть. Один могильник обнаружен далеко на юго-западе близ г. Текели в Джунгарском Алатау [Агеева Е., Джу-

сунов А., 1963]. В значительном количестве тюхтятские курганы обнаружены в Туве [Кызласов Л. Р., 1960а, б; 1964б; 1965а; 1969; Нечаева Л. Г., 1966; Мандай-оол М. Х., 1963; 1968], а также в Монгольской Народной Республике (Наймаа-Толгой I, Суджа, Ихэ-Алык, Наинтэ-Суме) [Боровка Г. И., 1927; Ramsted G. I., 1913; Erdelyi I., 1965, рис. 8, 9].

Указанное расположение тюхтятских курганов целиком совпадает с исторически известными событиями так называемой эпохи кыргызского великодержавия [Бартольд В. В., 1927], эпохи широкой экспансии войск древнехакасских феодалов в IX—X вв. после разгрома центральноазиатского каганата древних уйгуров в 840—846 гг. (рис. 32) [Кызласов Л. Р., 1960б; 1969].

Таким образом, ранняя дата этой культуры определяется 40-ми годами IX в. (840 г.), а поздняя — второй половиной X в. Подтверждением этого является уточненная хронологическая периодизация эпиграфических памятников, написанных на местной сисейской письменности и датированных с точностью до 25 лет. Многие из этих памятников относятся к IX—X вв. Некоторые из них являлись эпитафиями, высеченными на каменных стелах, установленных около погребений древнехакасской знати под курганами тюхтятского типа (рис. 33, Б) [Кызласов Л. Р., 1960а; 1964б; 1965а; 1965б].

Курганы тюхтятской культуры представляют собой памятники переходного типа между древнехакасской культурой чаатас (VI—IX вв.) и средневековой аскизской культурой (конец X—XVII в.). Это округлые насыпи из обломков скальных пород (реже из булыжников) вперемежку с землей или земляные (в тех местах, где нет камня). Иногда это юртообразные сооружения с выложенными из плитняка отвесными наружными стенками, засыпанные внутри плитняком (рис. 33, Б, В). Диаметры их — от 4—8 до 17 м, высота — от 0,2 до 1,3 м.

В них встречаются одиночные погребения, но иногда сожжения двух или, редко, трех и даже четырех человек. Изредка к трупосожжениям взрослых воинов и женщин добавлялись захоронения младенцев или малолетних детей, которых не сжигали. В их могилы ставили пищу в баночных сосудах и мясо овец. Только в этот период далеких завоевательных походов в древнехакасских (тюхтятских) курганах встречаются труположения женщин без вещей, лежащих в ямах на спине, в вытянутом положении, головой на запад [Николаев Р. В., 1972]. Вероятно, это погребения иноземных наложниц-полонянок, которых в случае смерти не сжигали подобно древнехакасским женщинам.

Принесенные с погребальных костров пережженные кости людей обычно просто сыпали кучками или, реже, ставили в баночном сосуде-урне (рис. 33, И). В качестве пищи клали в могилы мясо овец, лошадей, а иногда и коров. Остатки поминальных тризн содержат необожженные кости съеденных на поминках овец и лошадей. Изредка под насыпями лежат два-три конских черепа или неполные скелеты коней без голов. Нередко встречаются нижние части конечностей коня.

Одиночные трупосожжения находятся либо в ямах (круглых, овальных или неправильной формы), вырытых до устройства насыпей, либо в остат-

ках кострищ на горизонте (рис. 33, Б, В). При этом рядом с теми и другими нередко обнаруживаются ямки с жертвенной пищей (полужидкая пища в сосудах и мясо животных) или ямки-тайники только с вещами.

О том, что все эти типы курганов относятся к одной культуре, свидетельствуют не только найденные в них вещи, но и такие курганы, в которых совместно обнаружены трупосожжения на горизонте и сожжения в ямах. В некоторых курганах погребения под насыпью были окружены как бы «оградками» из вертикально врытых в материк небольших плиток, установленных с перерывами (рис. 33, В). Эти «оградки» имеют подчетыреугольную форму и ориентированы углами по странам света. Точно так же до начала IX в. обставлялись каменными столбами или плитами курганы древнехакасских чаатасов и так же обставлялись деревянными столбиками находящиеся под ними подквадратные погребальные ямы. Здесь в курганах IX—X вв. эти низкие «оградки» под насыпями сохранились лишь как пережиток прежних конструкций древнехакасских чаатасов, но именно этот пережиток наглядно показывает, что каменные погребальные сооружения IX—X вв. тесно связаны с предшествующими чаатасами VI—IX вв.

Впрочем, сама конструкция округлых каменных курганов тюхтятской культуры прямо восходит к рядовым курганам культуры чаатас.

В погребения ставились сосуды с питьем и полужидкой пищей. Обычно это баночные сосуды, вылепленные на подставке (рис. 33, 6—8, 12), среди которых встречаются банки с двумя и четырьмя наленами на венчике (рис. 33, 9, 10). Примечательны новые формы баночных или округлодонных сосудов с пасечками по венчику, отверстиями по горловине и узором из свисающих прочерченных треугольников по плечикам. В тюхтятских курганах на Иртыше и Оби встречается больше вышуклодных сосудов, в том числе и кружковидных [Арсланова Ф. Х., 1972; Троицкая Т. Н., 1973].

Иногда сосуды ставили отдельно на горизонте или даже в особых жертвенно-поминальных курганчиках. Нередко в могилу помещали не сосуд, а лишь несколько черепков. В ряде курганов обнаружены обломки «кыргызских» ваз, сделанных на гончарном круге, а также вазы с тамгами под венчиком. Особенностью некоторых ваз тюхтятского времени являются кольцевидные ручки в нижней части тулова (рис. 33, 1—4). Кроме глиняной посуды, найдены танские лаковые чашки и «тарелочки», шпала и «чернильница» из белого фарфора с желто-зеленой глазурью (рис. 33, 17, 18) и разнообразные металлические сосуды местного изготовления (блюде, украшенное растительными узорами, чашка, серебряные кружки и чаши (рис. 33, 15, 16), латунная кружка на поддоне, а также железные котлы, сковородки и чернаки из железа и меди). Изредка встречаются берестяные туески.

Особенно интересны найденные в одном кургане литые серебряные на полых поддонах узкогорлый кувшин с длинным сливом и чашка (рис. 33, 13, 14). Они явно западного, скорее среднеазиатского, происхождения, ибо близкие серебряные кувшин и чашка были также совместно обнаружены в кургане

у с. Покровского в Чуйской долине [Городецкий В., 1926] и датируются специалистами VII—VIII вв. [Тревер К. В., 1940, табл. 34; Маршак Б. И., 1961, с. 191]. Кувшины, найденный в древнеахакском кургане второй половины IX—начала X в. в Туве, положен в могилу уже старым, после многолетнего использования. Он сильно помят, имеет изъяны в поддоне и следы оторванной вертикальной ручки, некогда соединявшей тулово с венчиком (в противоположной сливу стороне имеется круглое отверстие для одного конца ручки). Низ поддона обрамлен «перлами». Всеми этими деталями кувшин особенно близок так называемому сасанидскому кувшину, случайно найденному в Пермской области, а также некоторым другим [Смирнов А. П., 1947; Смирнов Я. И., 1909, табл. XII, рис. 79]. Поскольку датировка «сасанидских», или среднеазиатских, серебряных кувшинов (обнаруживаемых случайно вне комплекса) до сих пор не уточнена, находка в Туве особенно важна для исследователей.

В курганах обычно встречается конское снаряжение, свидетельствующее о том, что на погребальный костер вместе с умершим воином клали седло и узду его боевого коня. Седла снабжались железными кольцами с пробоями, стременами обычных для VI—X вв. типов (с петлей на шейке и с восьмеркообразным завершением) (рис. 33, 34, 36, 41) и подпругными пряжками (рис. 33, 56). Нагрудный и подхвостный ремни украшались подвесными бронзовыми сердцевидными бляхами со львами или рельефными изображениями бубенчиков и растительных узоров (рис. 33, 62). Уздечки имели двусоставные витые удила с восьмеркообразными петлями и третьими подвижными кольцами. В курганах такие удила часто встречаются без псалиев (рис. 33, 28), с S-овидными гладкими псалиями, с псалиями, оканчивающимися шишечкой и сапожком, или прямыми с лопаточкой и изгибом сверху (рис. 33, 37, 48, 50, 51). Ремни уздечек обычно украшены бронзовыми фигурными и сердцевидными бляшками и наконечниками с рельефно изображенными на них фениксами, лежащими или стоящими козлами, растительным орнаментом. По форме бляхи относятся к типу бляшек Тюхтятского клада (рис. 33, 59, 61, 63). Столь же нарядны бронзовые бляхи-тройчатки для перекрестий ремней (рис. 33, 60). Встречаются и портупейные железные круглые бляхи (рис. 33, 58) с тремя или четырьмя отверстиями, остатки костяных застежек от тороков и пут, бронзовые ворворки, бубенчики и ранние трубочки-султанчики, а также пропизки (рис. 33, 42, 46, 49, 52).

По прокаленным в огне предметам вооружения видно, что останки воинов сжигались одетыми в панцири или кольчуги, вместе с боевыми луками и наполненными стрелами колчанами, изредка с мечами с прямым перекрестьем, саблями и черешковыми кинжалами тюхтятского типа (рис. 33, 31—33, 54, 57, 81, 87). Дважды найдены длинные втульчатые копыя (рис. 33, 53, 55). В ряде курганов обнаружены панцирные пластинки, обрывки кольчуги, остатки роговых накладок сложных луков, боевые ножи, мечи, разнообразные наконечники стрел (трехгранные, четырехгранные, трехгранно-трехлопастные, трехлопастные узкие, трехлопаст-

ные массивные с отверстиями и выемками внизу лопастей, плоские асимметрично-ромбические, долотцевидные и пр. (рис. 33, 75—85) и обломки костяных свистулек от стрел. Найденные мечи типа палашей имеют однолезвийные клинки длиной до 0,7 м, которые, однако, на конце заточены на два лезвия. Перекрестия их напускные на черешок для деревянной рукоятки. После пребывания с останками сжигаемого воина на погребальном костре мечи сгибали вдвое и в таком виде помещали в могилу. Среди местных сабель нашлась на Улуг-Хеме и сабля с арабской надписью, привезенная из далекого южного похода.

Из орудий труда в курганах найдены земледельческие орудия, инструменты плотника и столяра (жернова ручных мельниц из серого гранита, серпы, коса-горбуша, проушной топор, тесла, втульчатые долота, бруски из песчаника для правки кос и пожей, нож-резец по дереву и т. п.— рис. 33, 19, 20, 22, 23, 27, 38, 39), швен и пряжи (пружинные ножницы, пряслица от веретен из стенок сосудов или камня (рис. 33, 24), железные иглы и т. п.). На поясах в особых кожаных сумочках носили железные огнива с кремнем и трупом. Эти сумочки с наружной стороны часто имели фигурные бронзовые или железные накладки с пряжечками (рис. 33, 44). Низ накладок иногда служил огнивом. В подобных сумочках из кожи воины носили также походный инвентарь: шило, миниатюрный стальной нож и напильник (для заострения наконечников стрел), конец которого иногда служил стамеской (рис. 33, 25). Были найдены остатки походного железного котла.

От одежды при сожжении почти ничего не оставалось. Встречены лишь обрывки шерстяных тканей и зеленого шелка, золотые пуговицы, железные поясные пряжки и остатки наборных поясов. Пояса обычно были украшены бронзовыми пряжками и разнообразными бляшками (фигурными, квадратными, полукруглыми, сердцевидными), покрытыми растительным орнаментом, или гладкими обоймами, наконечниками и фигурными подвесками, имеющими сердцевидные прорезы (рис. 33, 64, 67, 72, 73, 74). Появляются наборные пояса из железных бляшек тех же форм, украшенных нередко инкрустацией из меди (рис. 33, 69, 70, 71). Встречаются и золотые бляшки.

Из бытовых предметов и украшений отметим дисковидные зеркала из белого сплава, пинцеты для выщипывания волос, золотой перстень со вставкой, золотые и бронзовые серьги и бронзовые булавки с фигурками фениксов (рис. 33, 40, 45, 47, 65).

В ряде женских курганов обнаружены бронзовые монеты династии Тан с надписью: «Всеобщая драгоценность [правления] Кайюань» (Кайюань тунбао). В тюхтятских курганах на р. Уени были найдены также тюркешская монета VIII в. и хорезмийская монета-подвеска. Интересны находки привезенных с Индийского океана раковин-каури. В тюхтятских курганах постоянно встречаются слитки меди, серебра и золота — все, что осталось от расплавившихся в сильном огне предметов.

Среди древнеахакских курганов IX—X вв. имеются как богатые по инвентарю, так и бедные или даже безынвентарные, что является свидетель-

ством значительной социальной дифференциации общества. Однако для всех них характерен этнически присущий древним хакасам погребальный обряд и наряду с общими имеются многие специфические формы предметов материальной культуры, резко отличные от предметов тюркских или уйгурских.

У девяти раскопанных в Туве древнехакасских тюхтятских курганов IX—X вв. с восточной или юго-восточной стороны их насыпей стояли каменные стелы с тюркоязычными эпитафиями на енисейской письменности (рис. 33, В, 29, 30). Раскопки этих курганов с очевидностью показали, что надгробные эпитафии являются древнехакасскими [Кызласов Л. Р., 1969, с. 108]. Были раскопаны еще два каменных кургана, у которых стелы с надписями стояли в одном случае с западной, а в другом — с северной стороны насыпей. У раскопанного на р. Межегее кургана в урочище Кезек-Хурэ стела с надписью стояла прямо в северо-западной части насыпи. Несмотря на отсутствие находок, можно предположить, что эти три кургана, под насыпями которых залегали кострища и находились ямки с остатками деревянных столбов, также являются древнехакасскими. Установка опорных столбиков в ямах обычна для чаатасов VI—IX вв. Кроме того, аналогичные столбики обнаружены в древнехакасском кургане 18 под горой Чыгге на р. Элегесте (раскопки А. В. Адрианова, 1915 г.). Помимо стелы — памятника Элегест I (№ 10), этот курган имел еще каменный столб без надписи, стоявший с северо-западной стороны насыпи. Древнехакасские эпитафии и тамги на вертикально установленных стелах и скалах известны также на территориях Хакасии, Монголии (Суджинская стела) и в Горном Алтае.

Еще одним интересным и единственным для Хакасии памятником скульптурного мастерства и эпитафии является статуя «Богатырь» с р. Ербы (рис. 33, 30). Она датируется IX—X вв. как по канонической позе поздних изваяний (державших посуд обеими руками и имеющих причешку с челом в виде косы), так и по высеченной на спине эпитафии с древнехакасской тамгой конца IX в. [Кызласов Л. Р., 1960а; 1964а].

Особо важными памятниками IX—X вв. являются обнаруженные в борах по правому берегу Енисея обособленные поселения металлургов и кузнецов. В них раскопаны многочисленные железоплавильные печи, около которых найдены предметы IX—X вв. [Сунгучашев Я. П., 1974, с. 136].

На территории Хакасии в тюхтятское время градостроительство получило дальнейшее развитие. Продолжал существовать возникший в эпоху чаатас храмовый город в котловине Сорга на р. Пиюрсук. Это известно по обнаруженному во дворце-храме на станции Ербинской типичному для второй половины IX—X в. баночному сосуду с насечками по венчику, украшенному отверстиями по шейке и поясом прочерченных свисающих треугольников. В эту пору строится большой город-ставка кагана в низовьях р. Уйбат, вблизи ее впадения в Абакан. Рядовые здания города были деревянными, столбовыми, построенными с применением сырцового кирпича. Усадьбы огораживались деревянными заплатами. Здесь жили кузнецы, гончары и другой мастеровой

люди. Вода к городу поступала по магистральному каналу, отведенному от Уйбата. Основные кварталы города еще не исследованы. Произведены раскопки монументальных архитектурных сооружений из сырцового кирпича. Среди них выделяется большой замок-дворец, являвшийся, очевидно, укрепленным жилищем древнехакасского кагана. Это прямоугольное сооружение размером 72×37 м, мощные стены которого сохранились в высоту на 4 м. Восточная сторона его, с единственным входом, укреплена четырьмя фланкирующими башнями (рис. 33, А). Две из них — прямоугольные, а угловые — восьмигранные. Самобытная планировка последних подтверждает, что древнехакасские крестьяне жили не только в избах, но и в многогранных юртообразных сооружениях, срубленных из дерева или сооруженных из других материалов (камень и глина).

Строительные приемы, размер кирпича (42×20×10 см), применение глинобитных прямоугольных блоков — все это служит свидетельством того, что древнехакасская архитектурная школа являлась наиболее северным ответвлением среднеазиатского средневекового зодчества. При исследовании замка наряду с вновь открытыми образцами местной гончарной посуды обнаружены горшки уйгур, кувшины с вертикальными ручками, возможно, среднеазиатского производства, обломки изделий из белого танского фарфора и т. п.

Находки показывают, что дворец древнехакасского правителя начал строиться в начале IX в. и существовал долго. Позднее его достраивали и ремонтировали.

Другие древнехакасские города того времени еще не открыты археологами. Об их существовании свидетельствуют письменные источники. Например, иранское сочинение X в. «Худуд-ал-Алам» указывает, что каган в начале X в., после войны с уйгурами, жил в г. Кемиджкет, название которого переводится как «Енисейский город» (город на р. Кем). Из данных Гардизи (XI в.) проистекает, что другая, самая северная ставка кагана в середине X в. находилась поблизости слияния рек Белого и Черного Июсов [Кызласов Л. Р., 1969, с. 96].

Нельзя не отметить, что на той же самой территории, где зафиксированы тюхтятские курганы (Хакасско-Миусинская котловина, Кемеровская и Новосибирская области, Горный Алтай, Алтайский край, Восточный Казахстан, Тува и Монголия), одновременно с ними в IX—X вв., сооружались курганы других древних тюркоязычных племен, в большинстве своем сохранивших обычаи погребения с гонем. В этих могилах под округлыми каменными курганами (рис. 33, Г) человек и лошадь обычно положены головой на запад (иногда с отклонениями от этого направления к юго-западу или северо-западу). Хотя погребальный инвентарь выявляет сильное воздействие древнехакасской материальной культуры (особенно в глиняной посуде и украшениях) и многие формы предметов конского снаряжения и вооружения имеют общие «стенные» формы, все же по совокупности признаков эти памятники не могут относиться к тюхтятской культуре (см. первый раздел данной главы).

Древнетюркские всадники, проживающие в это время в Хакасии и Туве (рис. 33, справа), очевид-

но, входили на правах союзников и клиентов в древнехакасское войско и пользовались известной свободой, расселяясь в определенных местах по всей территории каганата древних хакасов в IX—X вв.

В конце кровопролитной двадцатилетней войны с уйгурами древние хакасы в 840 г. захватили территорию Тувы. Их каган писал кагану уйгур: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою Орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя». Прорвавшись в уйгурские степи, древнехакасское войско разгромило уйгур. Их каган был убит, а столичный город Орду-Балык в верховьях р. Орхона был разграблен и сожжен. До 846 г. продолжалась борьба с уйгурами, оттесненными к границам Китая и в Восточный Туркестан. В 847 г. было совершено нападение на монголоязычные племена шивэй, жившие в верховьях Амура и укrywшие часть бежавших туда уйгур. В 841—842 гг., преследуя отступающих уйгур, древнехакасские войска совершали походы через Джунгарию в Восточный Туркестан и доходили до Кашгара. В середине IX в. древнехакасское государство на западе ограничивалось Иртышом, на севере и востоке — Ангарой, Селенгой и хребтом Большой Хинган, на юге — пустыней Гоби. К началу X в. граница изменилась только с юго-восточной стороны. Древние хакасы ушли из восточной части Центральной Азии, сохранив ее западную часть. Граница прошла по отрогам хребта Хангай (рис. 32).

В этот период тяжелых феодальных войн жители древнехакасского государства продолжали вести то же комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, что и в эпоху культуры чаатас. Но в IX—X вв. на Енисее значительно возросла добыча железной и медной руды. Получила ускоренное развитие металлургическая промышленность, кузнечное, бронзолитейное и иные ремесла. Естественно, резко выросло производство оружия и защитного вооружения войск.

После снятия уйгурского «барьера» значительно выросла торговля хакасов со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Китаем и народами Западной и Восточной Сибири. В обмен на ткани и предметы роскоши они продавали мускус, меха ценных пушных зверей, древесину березы, ископаемую мамонтовую кость, породистых скакунов, оружие и кузнечные изделия, а также хлеб.

В государстве древних хакасов к IX в. сложились феодальные отношения. Существовало государственное и частное землепользование. Захваченные во время войны земли раздавались каганом семьям наиболее отличившихся и родовитых военачальников-феодалов. Такие феодальные надель «баг» передавались по наследству [Кызласов Л. Р., 1965б; Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л., 1976]. В начале IX в. наряду с ополчением сложилось регулярное войско, появилась новая служилая знать. Закабаленное население платило натуральный налог, несло воинскую и трудовую повинности и другие государственные повинности (постоянную, подводную и т. п.). Свободное крестьянство разорялось и попадало в зависимость. Знать имела в частной собственности, на основании феодального права, не только землю и скот, но и крестьян. О дарении крестьян феодала-

ми друг другу упоминают эпитафии на каменных стелах. Захваченные чужеродные племена становились данниками, так называемыми кыштымами, а также рабами.

Военно-феодальный государственный аппарат имел сложную иерархию. Управление государством осуществлялось с помощью громоздкой бюрократической машины, на которую опиралась деспотическая власть кагана [Кызласов Л. Р., 1969].

К этому периоду относится значительное количество разнообразных памятников прикладного, ювелирного и скульптурного искусства. Всемирно известны гравированные на скалах близ станции Копьево Сулекские писаницы — искусно выполненные сцены охоты, турниров, переездов, борьбы животных, геральдические фигуры и птицы, личные тамги и т. п. (рис. 24, 1, 4—6, 10, 12). Они сопровождаются енисейскими надписями, из которых верхняя в переводе гласит: «Вечная скала», т. е. скала с рисунками, оставляемая на вечные времена [Appelgren-Kivalo Н., 1931, Abb, 64—93; Евтюхова Л. А., 1948, рис. 171—180].

Многие другие данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития населения древнехакасского государства в IX—X вв. Продолжалось широкое распространение тюркоязычной енисейской письменности (рис. 34) и грамотности, в том числе и на завоеванные земли. Памятники енисейской письменности появились на Алтае, на Иртыше, в Прибайкалье и в Центральной Азии на землях бывшей Уйгурии. В IX—X вв. часть знати получала образование за границей в киданьском государстве Ляо и в Тибете. Поэтому в государстве имелись ученые люди, знавшие не только китайский, киданьский, тибетский языки, но и западные тюркские, а возможно, также персидский, арабский и сирийский. На Енисее найдены разнообразные привозные предметы с надписями на всех перечисленных языках.

Образованные люди были, следовательно, хорошо знакомы с религиями и философией стран Запада и Востока. В IX в., например, известен переписчик в тибетской транскрипции китайских буддийских сочинений, который был выходцем «из княжеского дома страны Кыргыз» [Кызласов Л. Р., 1969, с. 127]. При дипломатической переписке каганы древних хакасов пользовались собственной письменностью и писали тростниковыми перьями чернилами (найденны фарфоровые чернильницы-«непроливашки») (рис. 33, 18).

Наиболее близкие культурные, торговые и посольские связи были установлены со Средней Азией, прежде всего с Семиречьем. Известно, что в 20-х годах IX в. каган древних хакасов был женат на дочери карлукского ябгу, а мать его происходила из знатного рода тюркшей. К IX в. часть знати приняла манихейство, распространяемое сирийцами в Центральной Азии и Южной Сибири через Среднюю Азию. Проникала на Енисей и буддийская пропаганда (найденны буддийские статуэтки). Но рядовое население в значительной своей части, по-видимому, продолжало оставаться язычниками-шаманистами.

Таким образом, IX—X вв. были периодом наибольшей территориальной экспансии древнехакас-

ской военно-феодалной знати, периодом установления широчайших культурных, торговых, междоударственных и этнических контактов с отдаленными племенами и народами, обитавшими, но выраженно рунических тюркоязычных текстов, во всех «четырех углах» света.

Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX—X вв.)

Первые раннесредневековые могильники в Западном Забайкалье (могильники «На Увале» и Хойцегор) были раскопаны в бассейне Селенги Ю. Д. Талько-Грышцевичем в 1897—1899 гг. В 20-е годы Г. Ф. Дебец исследовал могильник у д. Зарубино (1926 г.), а Г. П. Сосновский раскопал значительное число средневековых погребений в разных районах южной Бурятии (1927—1929 гг.). К сожалению, в большинстве своем эти материалы остались неопубликованными [Дебец Г. Ф., 1926; Хамзина Е. А., 1970]. В конце 40-х годов некоторые курганы этого времени изучал А. П. Окладников [Окладников А. П., 1950; 1951].

В 50—60-е годы ценные материалы собраны Е. А. Хамзиной, которая опубликовала первую сводную работу по средневековой археологии Западного Забайкалья [Хамзина Е. А., 1969; 1970]. В 1971—1973 гг. важные факты установлены Л. Г. Ивашиной при исследовании четырех могильников в северо-восточной Бурятии [Ивашина Л. Г., 1973; 1974; 1975]. Еще один могильник в долине Хилок был раскопан в 1975 г. читинскими археологами [Константинов М. В., Немеров В. Ф., 1976; Немеров В. Ф., Белькова Г. З., Шадрин С. Д., 1976].

Из памятников иного характера необходимо упомянуть найденный в середине XIX в. у с. Нюкского клад серебряной посуды, датируемый монгольской пайцзой (с надписью квадратным письмом) концом XIII — первой половиной XIV в. [Навлечение, 1855; Смирнов Я. И., 1909, рис. 173—180].

Несмотря на недостаточную еще изученность в настоящее время территории Западного Забайкалья, здесь можно выделить по формальным признакам три группы средневековых памятников: 1) многочисленные памятники VIII—IX вв., относящиеся к периоду уйгурского каганата (их характеристику см. в разделе «Культура древних уйгур»); 2) могилы и жертвенно-поминальные курганы тюркоязычных племен IX—X вв.; 3) памятники монгольского периода XIII—XIV вв.

Уточняя периодизацию Е. А. Хамзиной (следующей за Г. П. Сосновским — Хамзина Е. А., 1970, с. 82—83), предлагаем оставить введенные этими авторами названия групп или типов погребений, но с внесением изменений в их содержание и хронологию.

В настоящее время в Западном Забайкалье отчетливо выделяются хойцегорская (IX—X вв.) и

саянуйская (XIII—XIV вв.) культуры. Что касается промежуточных памятников XI—XII вв. (которые Е. А. Хамзиной относились к тапхарскому типу X—XIII вв.), то они в основной своей массе еще не обнаружены и потому не могут быть описаны. С большей долей осторожности к этому периоду, вероятно, можно отнести только могилу 19 из VI могильника на горе Тапхар [Хамзина Е. А., 1970, с. 57—58, 114—116, табл. IV, V].

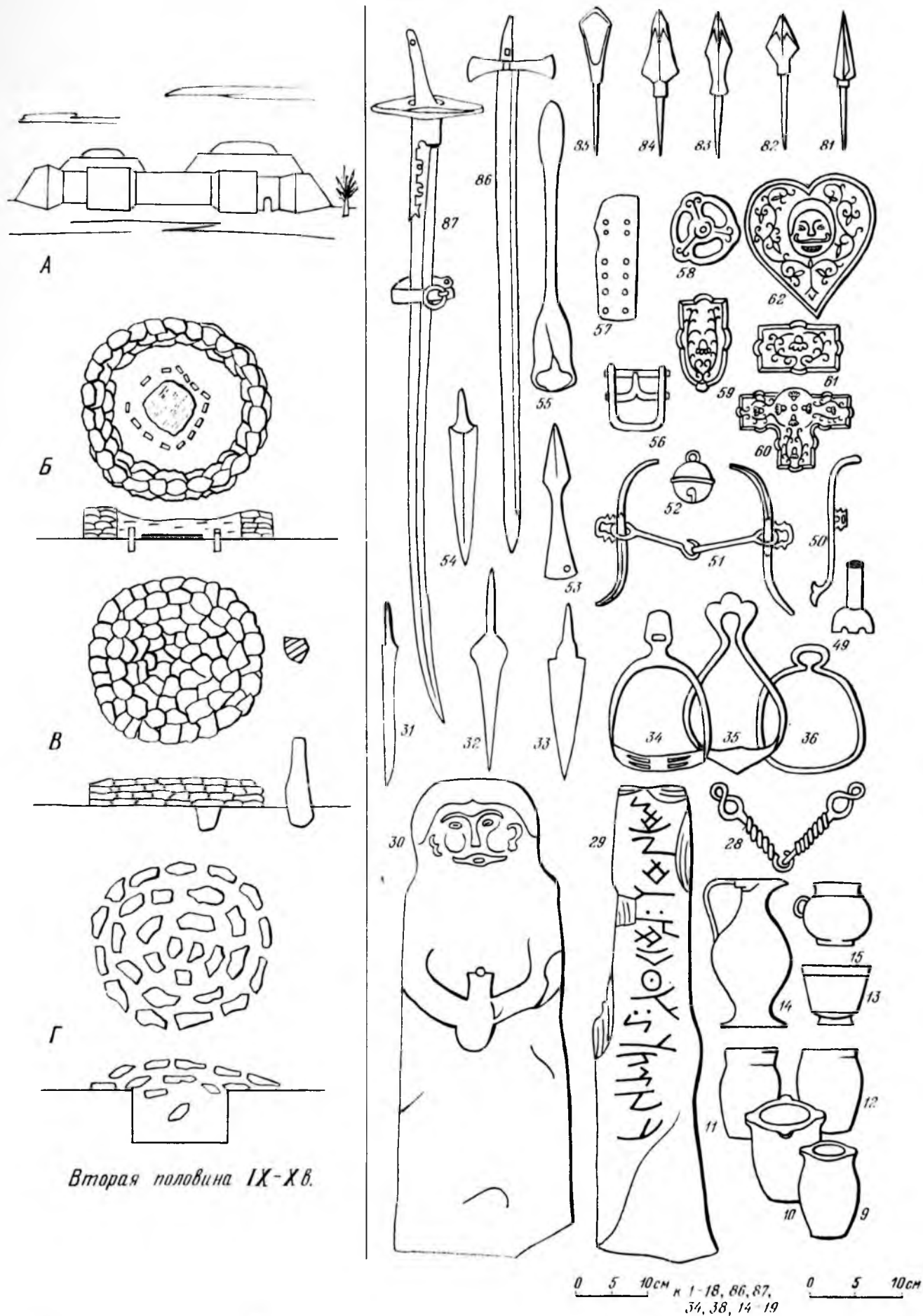
Хойцегорская культура представлена памятниками, распространенными почти по всей территории Западного Забайкалья. Курганы этой культуры раскопаны в могильниках «На Увале» (1) и в Хойцегоре (3, 7, 8, 12) Ю. Д. Талько-Грышцевичем, на Тапхаре V и Баянголе (1—3) — Е. А. Хамзиной, на Тапхаре (жертвенно-поминальные) — Г. П. Сосновским, в могильниках Бухусан (9, 14—17, 18—19, 24), Харга I (1—7), Харга III (1, 4) и Алтан (1, 2, 4, 9) — Л. Г. Ивашиной.

Могилы хойцегорской культуры были отмечены на поверхности земли округлыми или овальными задернованными выкладками из обломков скалы, иногда с углублениями в центре. Их размеры от 2×2,15 до 4,1×5,8 м. Выкладки часто потревожены в древности, но, вероятно, первоначально представляли собой овальные каменные «панцири», непосредственно прикрывавшие могильные ямы. Под выкладками прямо в слое погребенного дерна или в неглубоких грунтовых ямах (0,2—0,62 м) находились погребения мужчин, женщин и детей — от младенцев до стариков.

Они были захоронены на спине не только в вытянутом положении, но и с коленями, поднятыми вверх, а также в скорченной позе, на правом или левом боку. В количественном отношении несколько преобладали погребения на спине. Варианты трупоположений не зависят от пола и возраста. В шести случаях кости скелетов были настолько перемешаны грабителями, что первоначальное их положение установить не удалось. В большинстве случаев трупы укладывались головой на север или северо-восток, изредка на восток — северо-восток и восток. Дважды удалось выявить, что погребенные были прикрыты досками и лишь в одном случае скелет находился в берестяном гробу, имевшем деревянную раму (Баянгол, могила 1).

Ни в одной могиле не найдено костей домашних или диких животных. Очевидно, мясную пищу не клали. Жидкую или полужидкую заупокойную пищу в сосудах также устанавливали не всегда. В двух могилах (мужчины и женщины) в головах погребенных стояли гладкие баночные сосуды с насечками по венчику, а в третьей могиле — у младенца — сосуд с высоким горлом; в четырех других найдены отдельные обломки горшков. В нескольких случаях сохранились следы помпонок, совершенных после захоронения. В двух выкладках среди камней обнаружены обломки разбитых сосудов, а в двух других — кости овец.

В редких случаях в разграбленных или детских могилах совершенно отсутствовал инвентарь или встречены лишь следы железных окислившихся предметов. Детали конского снаряжения обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях, что подчеркивает конный быт населения. Однако

Вторая половина IX—X в.

Рис. 33. Древности тухтыяевской культуры

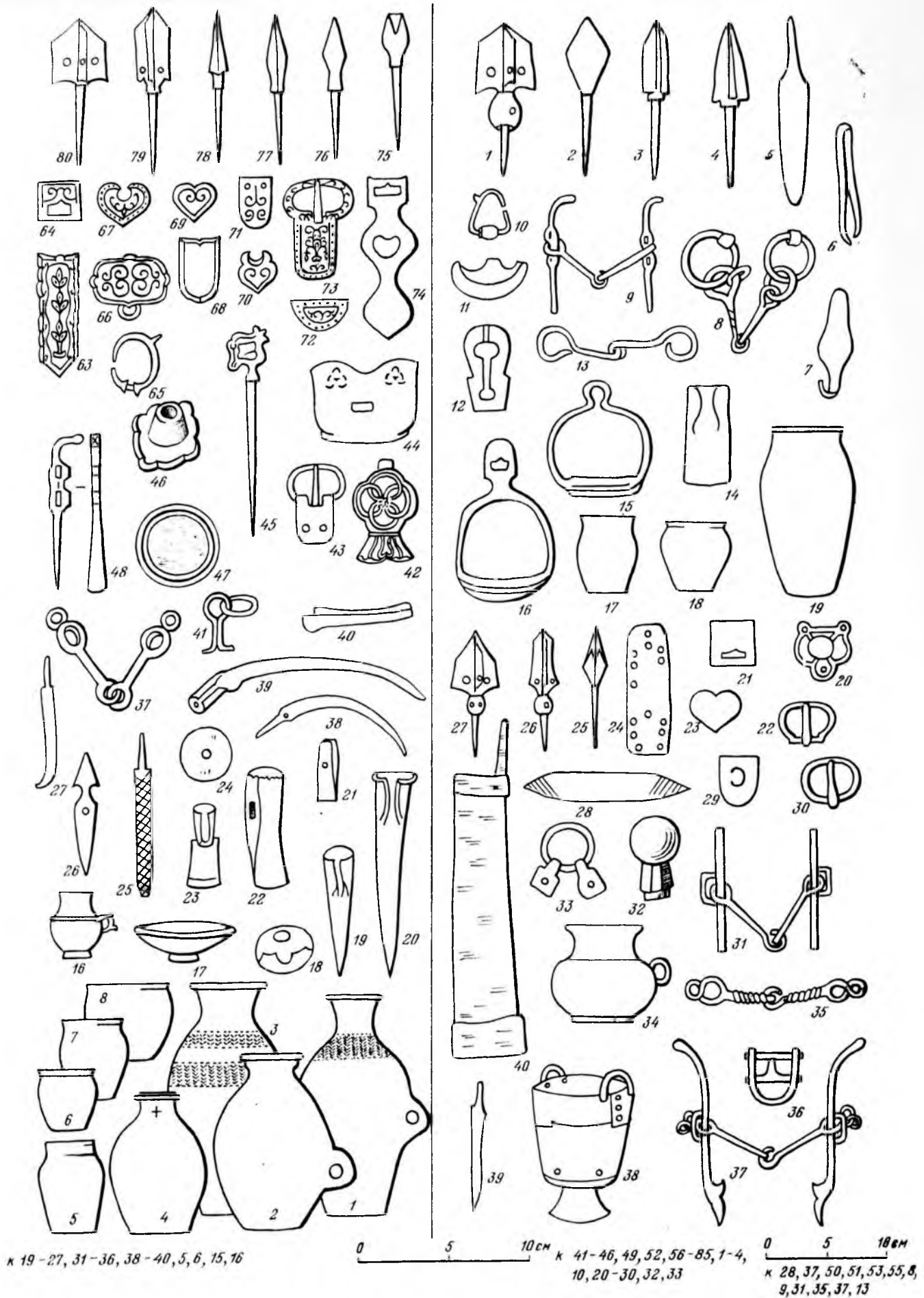

Рис. 33. (Окончание)

Рис. 34. Памятники согдийской письменности. Стелы с эпитафиями и межевыми надписями, надписи на скалах и отдельных предметах IX—X вв.